

ИВАН IV И ПОЛЬСКАЯ КОРОНА

Сообщение о победе русских воевод над татарами было не единственным важным известием, полученным царем во время его пребывания в Новгороде летом 1572 года. В это же время ему стало известно о смерти 19 июля 1572 года польского короля Сигизмунда II.

Трон, который занимал Сигизмунд, теоретически был выборным едва ли не с конца XIV века, но польские паны дорожили союзом с Литвой, и это заставляло их фактически без всякого выбора возводить на него Ягеллонов — наследственных правителей Великого княжества Литовского. Теперь, когда последний из Ягеллонов, Сигизмунд II, умер, не оставив потомства, а незадолго до его смерти в 1569 году Польша и Великое княжество Литовское объединились в единое государство — Речь Посполитую двух народов, выборным и уже не только формально, но и фактически стал трон правителя огромного государства, границы которого охватывали территорию современной Польши, Литвы, Белоруссии и большей части Украины. Государство это было главным западным соседом России, и царю и его советникам было, конечно, совершенно безразлично, кто займет опустевший престол. Наилучшим, с их точки зрения, решением было бы такое, при котором место короля Сигизмунда II занял бы сам царь Иван IV.

В такой идее для русских политиков не было ничего принципиально нового. Уже в 1506 году, когда умер великий князь Литовский Александр Ягеллончик, отец царя Василий III предлагал литовским панам-радам, «чтобы они похотели его на государство литовское». Позднее и сам Иван IV, предвидя близкую смерть бездетного Сигизмунда II, поручил литовскому вельможе Яну Глебовичу, попавшему в русский плен и отпущенному в 1566 году обратно в Литву, вести переговоры с литовскими магнатами, чтобы после смерти короля «взяли сына его (Ивана IV. — *Б.Ф.*) себе за пана». С заключением Люблинской унии положение осложнилось, так как царь должен был добиваться своего избрания преемником Сигизмунда II не только в Великом княжестве Литовском, но и в Польше — стране, внутренние отношения в которой были русским политикам мало знакомы. Однако и выгоды в случае успеха оказывались гораздо более значительными, чем в случае, если бы Иван IV занял только литовский трон: были бы решены все проблемы, над которыми бились и сам царь, и его советники с конца 50-х годов. Спор двух государств из-за Ливонии потерял бы всякое значение, и никто более не мешал бы царю утвердить свою власть над балтийскими портами, по крайней мере над Таллином, который еще оставался под властью шведов. Соединение под властью одного монарха военных сил России и Речи Посполитой позволило бы не только организовать успешную защиту обоих государств от набегов крымских татар, но и приступить к еще более важной задаче — уничтожению самого Крымского ханства. Если бы Россия и Речь Посполитая объединились под его властью, говорил в то время царь, то «татарскому хану указал бы я дорогу за море». Наконец, избрание Ивана IV польским королем привело бы к усилению русского влияния на белорусских и украинских землях. Тем самым был бы сделан важный шаг на пути к решению главной задачи внеш-

ней политики московских правителей — «собирацию» всех земель Древней Руси под властью московских государей — потомков святого Владимира. Такими важными выгодами царь пренебречь не мог, и неудивительно, что он принял решение добиваться своего избрания на польский трон.

Царь отдавал себе отчет, что ему придется столкнуться с серьезными трудностями. Его методы обращения со своими подданными, жестокие казни, подробно описанные в брошюрах, распространявшихся по Европе противниками царя, вряд ли могли снискать ему симпатии польских и литовских магнатов и шляхты, которых при всех разногласиях между ними никак не могла привлекать перспектива видеть на своем троне такого самовластного и жестокого правителя. К этой трудности добавлялись и другие, связанные с религиозными разногласиями.

В Великом княжестве Литовском, правда, большинство дворянства было православным, но и там наиболее влиятельная политическая группа — литовская аристократия — исповедовала католицизм. В Польше же католицизм был вероисповеданием большинства населения. В середине XVI века многие магнаты и простые шляхтичи (как католики, так и православные) стали приверженцами протестантизма разных толков. В такой сложной ситуации Ягеллонам удавалось сохранять религиозный мир в стране благодаря политике широкой веротерпимости, и от преемника Сигизмунда II дворянство Речи Посполитой ожидало продолжения этой политики.

Царь Иван IV в глазах польско-литовского дворянства никак не выглядел сторонником веротерпимости. Уже гибель монахов бернардинского монастыря в Полоцке при сдаче города русским войскам в 1563 году произвела весьма сильное впечатление на магнатов и шляхту Речи Посполитой. Много лет спустя после этого события коронный канцлер Ян Замойский напоминал царю, что по его приказу монахи были потоплены «в озере под Полоцком з жидами». Сам царь постоянно демонстрировал не только свою враждебность к инославным учениям, но и готовность ограждать подданных от их вредного влияния. В записках польского шляхтича Самуеля Маскевича, побывавшего в России в годы Смуты, сохранился рассказ, записанный им со слов одного из членов знатного рода Головиных, о книготорговце, который привез в Москву на продажу книги духовного содержания. Царь захотел познакомиться с этими книгами, а затем приказал купить их у книготорговца и сжечь.

Положение царя осложнял и тот факт, что совсем незадолго до смерти Сигизмунда II он публично продемонстрировал свою враждебность к протестантам и католикам перед представителями Речи Посполитой. В 1570 году, когда начались очередные переговоры о перемирии между Сигизмундом II и Иваном IV, в Россию впервые выехало посольство, состоявшее из представителей Польши и Лит-

вы. Во главе посольства стоял польский вельможа Ян с Кротошина, протестант, сторонник учения «чешских братьев» — одного из наиболее радикальных направлений европейской Реформации. Вместе с ним в качестве его проповедника в Москву приехал «министр» чешских братьев в Польше Ян Рокита. Неутомимый участник споров между приверженцами разных христианских конфессий, Рокита прибыл в Москву, надеясь, что царь разрешит ему проповедовать в России его учение.

К просьбе проповедника царь отнесся серьезно и задал ему десять вопросов, чтобы уяснить характер его учения. Рокита написал на эти вопросы подробные ответы. Царь воспользовался этим, чтобы, отвечая Роките, публично продемонстрировать свое отношение к протестантам в присутствии послов, Боярской думы и духовенства.

Его «ответ» открывался словами, что Иисус Христос учит своих верных «не давати святого слова псом неверным и неверующим Святому писанию», но царь все же берется за перо, чтобы Рокита не подумал, будто он не понимает, «яковый яд излиял еси». В своем ответе царь последовательно уподобляет Рокиту и его единоверцев — протестантов «бесам», которые самовольно присвоили себе учительский сан и, не считаясь с мнением святых отцов, толкуют христианское учение по своему разуму и тем разрушают его: «Так и вы чрез преграды Божественнаго учения прелезше и на учительском месте ставше и своим учением Христовы словесныя овца, их же искуп своею честною кровию, крадете и разбиваете». Именно критическое отношение к традиции, стремление ее пересмотреть и тем поставить под сомнение ее авторитет, нежелание считаться с авторитетом тех, кому по традиции доверено право толковать учение, вызывали гнев царя: «Вы же от самовольства вземшиися и на учительство воскочисте... сего ради татие и разбойници нарицаетеся». «Вы же, претекше священников, претекше учителей, претекше святители, претекше и апостолов... самовластно учителя статсте».

«Самовольство» и «самовластие» — желание поступать в соответствии с собственными желаниями, не подчиняясь авторитету власти, было главным «грехом» крамольных бояр. В этом же грехе были повинны и самозванные толкователи Священного Писания.

Царь со своей стороны подчеркивал необходимость для христианина во всем следовать авторитету предания: «Как же разумети, аше не от Писания или кто наставит? сего ради нужда належит, яко Божественных апостол и святых отец яко наставники почитати и молитися, тогда и Писанию их веровати и от Писания их поучатися». В противном случае «вси человецы яко же скоты будут, ничто же разумеюще». По убеждению царя, Рокита — не христианин, «враг Креста Христова», он способствует «бесовской прелести», а так как он не служит литургии и «смерти Господне не возвещает», то он «антихрист и развратник веры Христове».

По представлению царя, он поступил милостиво по отношению к представителю столь опасных взглядов, «еретику» и «слуге антихриста». Он лишь запретил Роките проповедовать в России свое учение, но не наложил на него «опалы» и позволил выехать из Москвы вместе с посольством. Однако на членов посольства, присутствовавших 10 мая 1570 года на встрече царя с Рокитой, происшедшее должно было произвести иное впечатление. Хотя по понятным причинам в ответе царя речь шла почти исключительно о протестантизме, Иван IV нашел возможность кратко, но определенно выразить и свое отношение к латинской церкви: «яко латына прелесть, тако и вы тьма».

Своим высказываниям царь придавал, по-видимому, особое значение, так как, не удовлетворяясь устным обличением еретика, 18 июня 1570 года, перед отъездом посольства из Москвы, приказал передать Роките свой письменный ответ. Текст ответа царя был довольно быстро переведен на польский язык и на латынь (латинское издание «Ответа» в 1582 году стало первой печатной публикацией сочинения Ивана IV) и, следовательно, стал хорошо известен образованной элите польско-литовского общества. Это сочинение — свидетельство непримиримого отношения царя к иноверцам, должно было стать серьезным препятствием на его пути к польскому трону.

Трудности, с которыми сталкивался царь, усугублялись тем обстоятельством, что рядом с ним не было опытного советника. Многолетний глава Посольского приказа Иван Михайлович Висковатый был казнен по приказу самого Ивана IV, его преемник Андрей Яковлевич Щелкалов, руководивший Посольским приказом вплоть до смерти Ивана IV, хотя и участвовал ранее в дипломатических переговорах, не имел ни опыта Ивана Михайловича Висковатого, ни его связей. Не мог помочь царю в этом отношении и его наиболее близкий советник в те годы — Малюта Скуратов.

Для начала своей предвыборной кампании царь воспользовался приездом к нему в сентябре 1572 года гонца от сената Речи Посполитой Федора Ворыпая с сообщением о смерти Сигизмунда II. Уже и ранее Иван неоднократно нарушал установленные нормы дипломатического церемониала, непосредственно обращаясь к иностранным дипломатам. И на этот раз царь нарушил эти нормы и обратился к гонцу с большой речью, в которой постарался рассеять возможные сомнения избирателей. Говорят, что я зол и склонен к гневу, объяснял царь гонцу, но я караю только злых, а ради доброго готов снять и цепь и шубу со своих плеч. Пусть паны-рада присылают на службу к царю или к его сыновьям своих детей, тогда они на деле смогут убедиться в том, злым или добрым является царь Иван. Чтобы опровергнуть сложившееся представление о своей жестокости, царь торжественно обещал в случае своего избрания на польский трон простить вины беглецам из России, нашедшим приют в Речи Посполитой (эту своеобразную амнистию царь не распространял лишь на Курбского).

Нашлись в царской речи и слова для последователей учения Мартина Лютера. Им следовало передать, что, по убеждению царя, Священное Писание дано людям «не на брань и гнев, только на тихость и смирение». Царь торжественно обещал, если его возведут на польский трон, не только сохранить все «права» и «вольности» польского и литовского дворянства, но еще и умножить их.

Главный упор в своей речи царь сделал на тех выгодах, которые принесет соединение сил двух государств под властью одного монарха. Тогда они не только смогут одержать верх над «погаными»; таким сильным союзникам не будут опасны «ни Рим, ни какое иное королевство». Ради союза и мира с Речью Посполитой царь выражал готовность уступить в ее пользу недавно завоеванный Полоцк с пригородами и еще добавить к ним что-либо из своих «московских земель».

Пусть только паны-рада скорее пришлют к царю послов, чтобы договориться с ним по всем вопросам, выбрав для этого «добрых людей». Этому предложению придавалось особое значение, так как, провозжая гонца, Малюта Скуратов подчеркнул, что послов следует прислать скорее, чтобы «добрая договоренность в злую не превратилась».

Принимая Ворыпая, царь проявил явную заинтересованность в том, чтобы паны и шляхта посадили его на опустевший польский трон. Однако его заинтересованность не простиралась так далеко, чтобы, пренебрегая своим достоинством, отправлять послов в Речь Посполитую и просить магнатов и шляхту о своем избрании на польский трон. Напротив, царь ждал, когда те сами обратятся к царю с такими предложениями. Так как другие заинтересованные в судьбе польского трона монархи, не разделяя этих представлений царя, поспешили отправить в Речь Посполитую посольства, чтобы привлечь избирателей на сторону удобного им кандидата, то уже благодаря этому конечный успех царя в борьбе за польский трон оказывался под сомнением.

И донесения послов, и местные источники свидетельствуют, что с самого начала избирательной кампании сторонники Ивана IV представляли собой достаточно заметную величину среди избирателей из рядов польской шляхты. На первый взгляд это может казаться удивительным: как в рядах польской шляхты, видевшей смысл своего существования в защите и увеличении своих дворянских «вольностей» (прежде всего за счет уменьшения власти монарха), могли найтись сторонники правителя, который категорически отвергал саму возможность наличия у его подданных каких-либо «свобод», ограничивавших его власть?

Проявление симпатий к личности Ивана IV связано с особенностями внутривосточной ситуации в Польском королевстве, где с конца 50-х годов XVI века шла упорная борьба между магнатами и шляхтой за власть и влияние. Шляхетские политики добивались воз-

вращения государству заложенных магнатам земель королевского домена, требовали принятия законов, которые запрещали бы соединять в одних руках несколько высших государственных должностей, настаивали на создании в провинциальных округах института «инстигаторов» — людей, которых шляхта выбирала бы из своей среды на дворянских собраниях округов — провинциальных сеймиках и которые осуществляли бы от ее имени контроль за действиями магнатов, представлявших на местах государственную власть. Король Сигизмунд II в этом конфликте встал на сторону шляхты, но вел себя робко и непоследовательно, и ко времени его смерти реформы, намеченные шляхетским лагерем, были осуществлены лишь частично. Понятно поэтому, что шляхетские политики хотели видеть на троне такого правителя, который решительными действиями сломил бы сопротивление знати. Отсюда их интерес к кандидатуре царя.

Но имелась и другая важная причина их интереса к личности Ивана IV, связанная с особенностями представлений шляхетских политиков об окружающем мире и месте в нем Польши. Шляхетские политики смотрели на Россию как на дикую и варварскую страну, в которой невозможно иное правление, кроме «тиранического». Один из публицистов, сторонников царя, Петр Мычельский утверждал, что «дикая натура» московитов «не возделана» ни искусством, ни добрыми нравами, ни предписаниями законов, поэтому Иван IV, чтобы добиться выполнения своих приказаний, «должен править ими тиранически». Иное дело, если бы царь попал в более развитую и культурную польскую среду. В этом случае, писал Мычельский, царь, «проникнувшись отвращением к простоте людей своих и их обычаев, полюбит столь благородный народ польский». А вслед за царем последовало бы и все русское общество. Шляхетские политики были уверены: подобно тому, как после установления в конце XIV века династической унии с Литвой дворянство Литвы, Белоруссии и Украины подчинилось влиянию польской дворянской культуры, заимствуя польские обычаи, институты и нормы права, так после династической унии с Россией по такому пути пошло бы и русское дворянство. «Если мы (к себе на трон. — Б.Ф.) Московского взяли, то, без сомнения, все тамошнее варварство с течением времени было бы нами реформировано», — полагал автор одной из появившихся в это время брошюр.

Как видим, взгляды шляхетских политиков весьма отличались от представлений их избранника Ивана IV о роли и месте России в мире. Эти расхождения, надо полагать, неизбежно выявились бы при контактах избирателей с русскими дипломатами, но до этого дело так и не дошло: шляхта ожидала послов Ивана IV, а царь ожидал, когда послы Речи Посполитой пригласят его занять польский трон.

Напротив, уже осенью 1572 года с царем в переговоры о судьбе

польского трона нашли нужным вступить литовские магнаты. На первый взгляд их инициатива вызывает еще большее удивление, чем симпатии шляхетских польских политиков к кандидатуре Ивана IV. Ведь в отличие от поляков литовские магнаты постоянно получали сведения о том, что происходит в России, от своих купцов и лазутчиков, встречались с многочисленными беглецами из России (Курбский, писавший в это время «Историю о великом князе Московском», был своим человеком в их кругу) и, несомненно, имели достаточно точное представление о личности царя и методах его правления. Даже в страшном сне они не могли представить Ивана IV своим государем.

Однако знакомство с составленными ими документами показывает, что это в их планы вовсе и не входило. На польском троне литовские магнаты хотели видеть вовсе не царя, а его младшего сына, царевича Федора. Выбор в качестве кандидата именно младшего, имевшего малые шансы унаследовать русский трон, сына царя, говорит о том, что литовские магнаты всячески стремились избежать перспективы соединения России и Речи Посполитой под властью одного монарха. Привлекала магнатов и личность кандидата — молодого человека (к тому времени ему исполнилось 19 лет), о котором уже было известно, что он не способен заниматься государственными делами: на собравшемся осенью 1572 года съезде великопольской шляхты один из его участников говорил как об общеизвестном факте, что младший сын царя «ничего не умеет». От него трудно было ожидать попыток установления в Речи Посполитой режима, подобного опричнине. Добиваясь дополнительных гарантий в этом отношении, литовские магнаты желали бы, чтобы не только их кандидат, но и его старший брат и отец принесли присягу, что Федор будет сохранять все шляхетские права и вольности и способствовать их расширению.

Появление этого условия показывает, что у самих инициаторов такого замысла эксперимент с русским кандидатом вызывал известные сомнения. Но налицо были и важные преимущества.

Великое княжество Литовское было не менее России разорено «морovým поветрием» и долголетней войной. В начале 1572 года признанный лидер литовских магнатов Миколай Радзивилл Рыжий писал своему племяннику, что страна опустошена и возобновление войны может привести к ее полному разорению. Избрание царевича должно было привести к установлению длительного и прочного мира с Россией. Но дело не только в этом. Литовские политики полагали, что в обмен на свое согласие способствовать возведению царевича на польский трон царь согласится вернуть Великому княжеству те земли, которые долгое время были предметом спора между Россией и Великим княжеством Литовским, — не только пограничные крепости Усвят и Озерище, но также Полоцк и Смоленск. Кроме того,

«для учтивости» царь должен был пожаловать сыну еще «иные города и волости».

Литовские вельможи были глубоко не удовлетворены условиями унии, заключенной в Люблине, когда польское дворянство, используя тяжелое положение Великого княжества Литовского в войне с Россией, лишило его значительной части территории. Киевское, Брацлавское и Волынское воеводства — вся южная часть Великого княжества, а также его наиболее западная часть — Подляшье — вошли в состав Польского королевства. Тем самым в федеративном Польско-Литовском государстве Литве досталась роль младшего, подчиненного партнера. Возвращение земель на востоке должно было способствовать увеличению удельного веса Великого княжества Литовского в Речи Посполитой.

К осуществлению своего плана литовские магнаты приступили уже осенью 1572 года. Известив царя о своих намерениях избрать Федора и «приводити» к такому решению поляков, они просили дать «опасную грамоту» для посла, который обсудил бы с царем условия избрания его сына. Такая грамота была выслана, и в конце декабря 1572 года в Россию отправился один из наиболее талантливых дипломатов Великого княжества писарь Михаил Богданович Гарабурда. Переговоры протекали в Новгороде, где находился царь, в конце февраля — начале марта 1573 года.

Инициатива литовских магнатов была встречена царем благосклонно (он не только выслал «опасную грамоту», но и просил, чтобы литовский посол приезжал к нему «не мешкаючи»), но условия, привезенные литовским дипломатом, вызвали его резкое недовольство. Царь недвусмысленно заявил, что никаких своих земель он Речи Посполитой отдавать не намерен: «Наш сын не девка, чтоб за него давать приданое»; «нам сына нашего Федора для чего вам давать к убытку своего государства?» На предложение дать сыну «для учтивости» «города и волости» царь резко заметил, что в королевстве Польском и Великом княжестве Литовском «довольно городов и волостей», на доходы от которых может жить их правитель; наоборот, если паны и шляхта Речи Посполитой хотят видеть на троне царя или его сына, они должны «для нашего царского именованя» отдать Ивану IV Киев, хотя бы и без пригородов. К вопросу о Киеве в дальнейшем царь не обращался, и значение употребленного им оборота остается не совсем ясным. Вероятно, имелся в виду не собственно «царский титул» Ивана IV, а его наименование «государем всея Руси»: с переходом Киева — древней столицы всей Руси под власть царя этот титул должен был приобрести наконец реальное содержание. С учетом этого был подготовлен новый титул Ивана IV: «царь государь и великий князь всея Руси, киевский, владимирский, московский». Совсем нетрудно было сообразить, что переход Киева под власть Ивана IV мог стать прологом к распространению его власти и на другие вос-

точно-славянские земли в границах Речи Посполитой. Все это никак не соответствовало тем надеждам, с которыми литовские вельможи посылали Гарабурду в Москву.

Этой неприятностью дело не ограничилось. Царь недвусмысленно дал понять, что вовсе не намерен отправлять своего младшего сына в чужую страну. Официально такое решение мотивировалось молодостью и неопытностью царевича: «лет еще не дошел, против наших и своих неприятелей стать ему не можно». Об истинных же причинах говорят, как представляется, слова царя по адресу панов-рада, вырвавшиеся у него при продолжении переговоров: «А мы их воле сына своего давать не хотим». Подозрительный царь опасался, что его молодой и неспособный к ведению государственных дел сын может стать орудием в руках польских и литовских вельмож. Ссылаясь на то, что некоторые поляки хотят видеть на троне не его сына, а самого царя, Иван IV заявил Гарабурде, что «гораздо лучше, чтобы я сам вашим паном был». Гарабурда пытался отклонить царя от такого решения, указывая, что вряд ли он сможет успешно вершить справедливость и организовывать защиту столь огромного государства, которое нуждается в постоянном присутствии правителя, но царь отмел эти сомнения как необоснованные. Все это, естественно, не могло устроить литовских вельмож.

Наконец, во время переговоров царь сделал еще одно важное заявление, которое, как представляется, сыграло главную роль в провале его кандидатуры. Хотя в самом начале переговоров царь поспешил заявить, что готов сохранить все «права» и «вольности» польской и литовской шляхты («те которые обычаи в землях сохраняются и все дела в соответствии с ними идут и отменять это никогда не годится»), это не помешало ему потребовать, чтобы после его избрания власть над Речью Посполитой переходила по наследству к его потомкам, пока будет существовать его род. По-видимому, по убеждению царя, в этом не было ничего нового: он требовал для себя и своих потомков такой же наследственной власти, которой обладали его предшественники Ягеллоны. В глазах дворянства Речи Посполитой дело выглядело совершенно иначе. Право свободного выбора монарха было важнейшей из шляхетских вольностей: шляхтичи считали себя людьми «свободными» именно потому, что они «свободно» выбирали себе правителя, которому в дальнейшем обязывались повиноваться. Желание сохранить союз с Литвой заставляло выбирать в качестве таких государей правителей Литвы — Ягеллонов. Выборы в этом случае становились во многом формальными, хотя дворянство постоянно использовало их для получения от нового государя новых «прав» и «вольностей». Теперь, когда династия Ягеллонов пресеклась, а Польша и Литва соединились в одно федеративное государство, польско-литовская шляхта намерена была воспользоваться этим правом в полном объеме. В то самое время, когда Иван IV вел переговоры с Га-

рабурдой, сейм, собравшийся в Варшаве, принял решение, обеспечивавшее каждому члену дворянского сословия право участвовать в выборах короля. В условиях, подготовленных избирателями для своего нового государя, пунктом первым стояло его обязательство никому при своей жизни не передавать власти, не назначать себе преемника, ни в каких документах не называть себя «наследственным» правителем Речи Посполитой. Требование Ивана IV предоставить ему и его потомкам наследственную власть в этом государстве объективно лишало его всяких шансов на победу в борьбе за польский трон.

Если в своем ответе Ворыпаю царь явно прилагал усилия к тому, чтобы привлечь к себе симпатии дворянства Речи Посполитой, то в ответе Гарабурде он уже жестко диктовал партнерам возможные условия соглашения. Очевидно, приезд литовского посла стал для него доказательством того, что польско-литовское дворянство хочет мира и союза с Россией, и ему остается лишь определить цену, которую придется за это заплатить.

Изучение царского ответа Гарабурде показывает, что царь тщательно обдумывал разные аспекты своих отношений с будущими подданными, стараясь предусмотреть самые разные ситуации. Среди выставленных им условий находим и такое, которое представляет интерес для понимания личности царя: если царь захочет оставить трон и постричься в одном из русских монастырей, паны-рада не должны ему в этом препятствовать. Появление этого условия подтверждает высказанное ранее на основе других источников предположение, что царь серьезно размышлял о том, чтобы на закате дней найти себе приют в монастырских стенах. Однако позиция, занятая царем на переговорах, хотя и была им тщательно продумана, основывалась на неверной оценке положения в Речи Посполитой. Литовские магнаты, действительно, искали мира и союза с Россией, но они представляли лишь одну, и отнюдь не самую влиятельную группировку дворянского сословия Речи Посполитой, да и они за согласие выбрать царевича запрашивали достаточно высокую цену. На кандидатуре царя свет клином не сошелся. В начале 1573 года в борьбе за польский трон, стремясь превзойти друг друга в своих обещаниях избирателям, столкнулись представители крупнейших европейских династий — Габсбургов и Валуа. Речь Посполитая не проиграла войну в Ливонии, и при ее продолжении могла получить поддержку новых сильных союзников, а потому у нее не было никаких стимулов к тому, чтобы идти на соглашение, продиктованное Иваном IV. В таких условиях переговоры не могли привести ни к каким позитивным результатам.

Впрочем, один, хотя и побочный, но весьма важный результат встречи Ивана IV с Гарабурдой имели. Середина XVI века была временем серьезного оживления культурной жизни православного об-

щества на украинских и белорусских землях. В кругах образованных представителей православной знати постепенно складывались планы организации печатного дела и издания наиболее важных памятников восточно-христианской духовной традиции. Оригиналы для этих изданий могли быть получены в России, где древнерусское письменное наследие сохранилось гораздо полнее, чем на землях Западной Руси. Среди этих планов заметное место занимал замысел издания славянской Библии, чтобы православные имели в своем распоряжении свой текст Священного Писания и могли бы противопоставить его тем текстам, которые имели в своем распоряжении протестанты и католики. В 1561 году в Москву за текстом Библии был послан диакон Исаяя из Каменец-Подольского, но он попал в России в тюрьму и не смог выполнить свое поручение. Теперь Гарабурда обратился с просьбой о передаче ему рукописи Библии к самому царю. Царь нашел нужным оказать любезность православным вельможам — будущим избирателям и приказал передать посланцу рукопись «с прилежным молением испрошеную». Позднее эта привезенная Гарабурдой рукопись легла в основу первого печатного издания славянской Библии, увидевшего свет в Остроге на Волыни в 1580—1581 годах. В предисловии к изданию специально отмечалось, что рукопись была получена «от благочестива и в православии изрядно сиеателна государя и великаго князя Ивана Васильевича Московскаго».

Литовский дипломат, несомненно, хорошо понимал, что условия, предложенные царем, совершенно неприемлемы для польского и литовского дворянства, но объяснять это царю не стал. Выяснив, что план, выработанный литовскими магнатами, невыполним, он сосредоточил свои усилия на решении других задач. Как бы ни были нереальны расчеты царя, объяснять ему это и тем лишать надежд на получение польского трона было не в интересах Речи Посполитой. Лишившись этих надежд, царь мог отдать своим войскам приказ начать военные действия как раз в то время, когда элита польско-литовского дворянства будет занята выборами нового короля. Поэтому Гарабурда, не вступая с царем в спор по поводу его предложений, напротив, заверил, что паны-рада и шляхта хотели бы иметь своим государем такого правителя, как царь, который может обеспечить Речи Посполитой надежную защиту от ее врагов, и обещал, что после получения царских предложений в Москву будут направлены «великие» послы, чтобы выработать окончательный текст договора об условиях, на которых Иван IV мог быть возведен на трон Речи Посполитой. Ничего подобного ни в Вильне, ни в Кракове делать не собирались, но таким образом можно было выиграть время.

Важным предметом забот для литовских политиков было недопущение контактов между Иваном IV и его сторонниками среди польской шляхты. Было известно, что эти люди ищут связей со сво-

им кандидатом, и отправленный ими в Москву гонец был задержан в Литве. Избранный способ действий позволял надеяться, что, ожидая послов из Речи Посполитой, царь не будет принимать никаких шагов со своей стороны и не отправит в Речь Посполитую послов, которые вступили бы в нежелательные контакты с враждебно настроенной по отношению к магнатам польской шляхтой. Следуя этой линии, литовские магнаты скрыли от царя решение о созыве сейма для выборов нового короля, и когда в апреле 1573 года на поле под Варшавой собрались для выборов короля магнаты и шляхта со всего государства, то и обсуждение кандидатур, и принятие решений протекали без всякого участия русских представителей. Вместе с тем литовские магнаты позаботились о том, чтобы условия, предложенные царем Гарабурде (включая требование предоставления ему и его потомкам наследственной власти в Речи Посполитой), были доведены до сведения избирателей. Как заметил современник, хронист Мартин Бельский, «когда это услышали, отпало у всех сердце от Московского».

Тем временем в ожидании «великих послов» из Речи Посполитой царь продолжал обдумывать условия, на которых он был бы готов взойти на польский трон. В апреле 1573 года, когда в Варшаве уже происходили выборы, к Гарабурде были посланы дополнения к ранее сделанным предложениям. Иван IV беспокоился, не может ли «по грехом для которого случая учиниться какой мятеж промеж государем и землею», и желал получить от панов-рада обязательство, что в этом случае он будет иметь возможность уехать к себе в Россию «без всякого задержания».

Литовские магнаты сумели прервать всякие сообщения между Россией и Речью Посполитой, так что еще и в июне в Москве не имели никакого представления о том, что происходит в этом государстве. Когда 19 июня в пограничный Велиж прибыли гонцы из Варшавы с сообщением об избрании на польский трон французского принца Генриха Анжуйского, то их приняли очень любезно, так как думали, что они везут сообщение о времени приезда «великих послов», которых столь долго ждали в Москве. Как записал в своем отчете польский гонец Андрей Тарановский, узнав об избрании Генриха, царь не проявил никакого недовольства и на пиру после приема любезно потчевал иностранных дипломатов старым мёдом. Однако такой исход выборов, вне всякого сомнения, был для Ивана IV очень серьезной неприятностью. За спиной Генриха Анжуйского стояла Франция — в то время традиционный союзник Османской империи, а это означало, что приходилось проститься с надеждами на создание мощного союза против османов и татар. Еще принимая Гарабурду и узнав о том, что французский принц желает быть избранным на польский трон, царь пригрозил Речи Посполитой войной, если она предпочтет французского кандидата: «А возьмете ли французского, и

вы, Литва, ведайте, что мне над вами промышлять». Но его угрозы явно не возымели действия.

В этой неприятной ситуации единственным основанием для оптимизма служило решение сейма, что в случае, если избранный король не прибудет в Польшу до дня святого Мартина, Речь Посполитая будет считать себя свободной от принятых обязательств. Надеюсь, что противники Генриха Анжуйского, прежде всего Габсбурги, не пропустят нового короля в Польшу, Иван IV стал активно готовиться к возобновлению борьбы за польский трон. С Тарановским он направил грамоты сенату Речи Посполитой с просьбой выслать «опасную грамоту» для послов, которых он намерен отправить в их государство. Содержание грамот не оставляет сомнений, что послы должны были возобновить переговоры об избрании царя польским королем: «И мы с Михайлом (главой посольства Михаилом Васильевичем Колычевым. — *Б.Ф.*) приказали, как нам быти на королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, што наша воля». В тех же грамотах царь недвусмысленно намекал на то, что он готов пересмотреть условия, предложенные ранее Гарабурде: «и што будет вам в том письме супротивно, ино на то послы да разговорят». Еще дальше Иван IV пошел в беседе с Тарановским, заявив, что готов принять те условия, на которые согласились при выборе Генриха французские послы. Однако из всего этого ничего не вышло — Генрих Анжуйский благополучно прибыл в Польшу к указанному сроку и 21 февраля 1574 года был торжественно коронован в Кракове.

Такой исход борьбы за трон Речи Посполитой не мог не вызвать у царя и его советников серьезного беспокойства, и для такого беспокойства были все основания. За кандидатурой Генриха Анжуйского стояли те силы в Речи Посполитой, которые вовсе не были заинтересованы в мире и союзе с Россией, а стремились решить спор о Ливонии с помощью оружия. В числе обязательств, принятых на выборах французскими послами от имени брата Генриха, французского короля Карла IX, было и обязательство оказать помощь Речи Посполитой войсками и флотом в ее новой войне с Россией. Отданные по приезде Генриха в Польшу распоряжения об усилении блокады Нарвы говорили о том, что дело движется к возобновлению войны.